

Бой за Чаянковы казармы 14.03.1939 г. – сопротивление при оккупации Чехии гитлеровской Германией.

Захват Чехословацкой республики в 1939 г. нацистской Германией получил в мировой истории репутацию бескровной победы Гитлера над развитой европейской страной, располагавшей сильным военно-промышленным комплексом и неплохо вооруженной и обученной для своего времени армией, сопоставимой по численности с германским Вермахтом. Неприглядная роль в этих событиях мирового сообщества, предоставившего Гитлеру полную «свободу рук» в отношении Чехословакии, а также чешских правящих кругов, пошедших на позорную капитуляцию «ради сохранения жизней своих граждан», хорошо известна. В то же время не является секретом, что патриотический подъем в чешском обществе свидетельствовал о его готовности к борьбе вплоть до печально знаменитых Мюнхенского соглашения и Венского арбитража 1938 г. (по которым Судетская область была передана Германии, южные районы Словакии и Подкарпатская Русь – Венгрии, а Тешинская Силезия - Польше). Считается, что трагической осенью 1938 г. была фактически подавлена моральная воля чехов к сопротивлению агрессору, и их охватили уныние и апатия, способствовавшие капитуляции 14-15 марта 1939 г.

Тем не менее ряд изолированных, но драматических эпизодов свидетельствуют, что многие военнослужащие Чехословацкой армии были готовы сражаться за свою страну даже тогда. К сожалению, отечественный читатель знает о них разве что по стихотворению известной русской поэтессы Марины Цветаевой (жившей в то время в эмиграции в Париже) «Один офицер», крайне выразительно передавшему самоотверженный патриотический порыв храбреца-одиночки, однако не имеющему отношения к военной истории. К тому же в произведении Цветаевой речь идет об инциденте, произошедшем 1 октября 1938 г. при вступлении германских войск в Судеты, а наиболее значительное столкновение чехословацких военнослужащих с гитлеровцами имело место 14 марта 1939 г., при оккупации Чехии и Моравии. Речь идет о бое за Чаянковы казармы (Czajankova kasárna), произошедшем в городе Мистек (ныне Фридек-Мистек), расположенном в Моравскосилезском крае на востоке Чехии, в непосредственной близости от границ присоединенной к Третьему рейху Судетской области и оккупированной поляками Тешинской Силезии.

Чехословацкая армия, в разгар Судетского кризиса 1938 г. представлявшая собою внушительную силу (34 пехотных и 4 мобильных дивизии, 138 учебных, крепостных и отдельных батальонов, а также 55 авиаэскадрилий; 1,25 млн чел., 1 582 самолета, 469 танков и 5,7 тыс. артиллерийских систем), к весне

1939 г. была существенно ослаблена военной политикой президента Эмиля Гахи, известного германофила, и его правительства, взявших курс на максимальные уступки Гитлеру во избежание войны. Чтобы «не провоцировать немцев», резервисты были демобилизованы, войска возвращены на места постоянной дислокации, укомплектованы по штатам мирного времени и частично скадрированы. Согласно гарнизонному расписанию, в Чаянковых казармах в городе Мистек был расквартирован 3-й батальон 8-го Силезского пехотного полка (III. prapor 8. pěšího pluku „Slezského“) в составе 9-й, 10-й и 11-й пехотных и 12-й пулеметной рот, а также «броневая полурота» 2-го полка боевых машин (obrněná polurota 2. pluku útočné vozby), состоявшая из взвода танкеток LT vz.33 и взвода бронеавтомобилей OA vz.30. Начальником гарнизона являлся командир батальона подполковник Карел Штепина. С учетом того, что солдаты-словаки в свете назревавшей независимости Словакии массово дезертировали и бежали на родину через недалекую словацкую границу, в Чаянковых казармах на 14 марта оставалось не более 300 военнослужащих. Большинство из них составляли этнические чехи, было также несколько чешских евреев, подкарпатских украинцев и мораван. Около половины солдат являлись новобранцами последнего призыва, еще не закончившими базовую подготовку.

Чаянковы казармы, расположенные в черте города Мистек, были возведены еще в австро-венгерские времена и представляли собой комплекс из двух четырехэтажных кирпичных зданий внушительной постройки и нескольких подсобных строений, примыкавших к учебному плацу, обнесенному высокой также кирпичной оградой. Личный состав и штаб батальона были размещены в зданиях, боевая техника «броневой полуроты» и автомобили – в гараже. Оружие, в т.ч. пулеметы, и боеприпасы находились в оружейных помещениях, примыкавших к жилым помещениям личного состава.

Спротивление этого небольшого гарнизона связано с колоритной личностью командира 12-й пулеметной роты капитана Карела Павлика, являвшего собой тот тип офицера, о котором принято говорить: «В мирное время неприменим, в военное – незаменим». Родившийся в 1900 г. в многодетной семье народного учителя в небольшом селе близ города Чески-Брод, будущий офицер был воспитан в традициях чешского национального возрождения. В юности он планировал пойти по стопам отца, однако, призванный в 1920 г. в армию, увидел свое призвание в военной службе и поступил в военное училище, из которого в 1923 г. был выпущен в чине подпоручика. Проходя службу в различных пограничных и пехотных частях, Карел Павлик зарекомендовал себя как неплохой строевой офицер, специалист по стрелковому оружию, хороший наездник и водитель, и – в то же время – как «опасный оригинал». В Чехословацкой армии господствовал принцип «офицеры – вне политики», однако Павлик не скрывал своих либеральных убеждений, смело спорил с «консервативным» начальством и в 1933 г. даже якобы подготовил проект «демократизации воинской службы», сразу отклоненный канцеляриями министерства народной обороны и парламента. В его служебной характеристике от 1938 г. значилось: «С командирами довольно дерзок, с равными себе дружелюбен и общителен, с подчиненными – справедлив и требователен, пользуется у них авторитетом». Добавим, что этот обладатель приятной внешности и щегольской бородки неоднократно получал дисциплинарные взыскания за «неподобающие офицеру легкомысленное поведение и связи с замужними женщинами». Собственная семья Карела Павлика распалась, а высшей точкой его карьерного роста стала должность командира роты. Впрочем, самого капитана это не особенно расстраивало, и у друзей-офицеров он имел репутацию весельчака и «души компании».

Вечером 14 марта капитан Павлик задержался в Чаянковых казармах, проводя с личным составом дополнительные занятия по изучению польского языка. Кроме него в расположении гарнизона в это время находились его начальник подполковник Карел Штепина, командир «броневой полуроты» подпоручик Владимир Хейниш, дежурный офицер поручик Карел Мартинек и еще несколько младших офицеров. Остальные офицеры были распущены по квартирам; несмотря на катастрофическую военно-политическую обстановку, чехословацкое командование тщательно

наблюдало за соблюдением мирновременного регламента службы.

14 марта германские войска перешли границы Чехии (Словакия в этот день под покровительством Третьего рейха провозгласила независимость) и в походных порядках начали продвижение вглубь ее территории. Улетая в Берлин на роковые «консультации» с Гитлером, президент Эмиль Гаха приказал войскам оставаться в местах дислокации и не оказывать агрессорам сопротивления. Еще раньше капитулянтские приказы начал рассылать павший духом чехословацкий генштаб.

Бронетанковые и механизированные передовые колонны Вермахта двигались наперегонки с этими приказами, овладевая ключевыми пунктами и объектами. В ряде мест отдельные чешские военнослужащие и жандармы открывали огонь по захватчикам, однако с организованным сопротивлением целого подразделения гитлеровцы столкнулись только в Чаянковых казармах.

Город Мистек находился в полосе наступления 8-й пехотной дивизии Вермахта (28.Infanterie-Division), совместно с элитным моторизованным полком «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» (Leibstandarte SS Adolf Hitler) около 17.30 выдвинувшейся с территории Судетской области в направлении на Оставу. Передовой мотоциклетный патруль 84-го германского пехотного полка (Infanterie-Regiment 84, командир - полковник Штойвер (Oberst Stoewer)) въехал в Мистек после 18.00, а некоторое время спустя в город вступил 2-й батальон полка (около 1 200 солдат и офицеров, включая усиление), двигавшийся на автомобилях.

Несшие охрану у ворот Чаянковых казарм часовые - ефрейтор (svobodnik) Пржибыл и рядовой Саган - в вечерних сумерках приняли немецких мотоциклистов-разведчиков за чешских жандармов (имевших стальные шлемы германского производства M18, сходные по очертаниям с касками Вермахта M35) и пропустили их беспрепятственно. Однако затем перед казармами остановилась колонна грузовиков и «кюбельвагенов», и из них стали выгружаться настоящие «гансы». Германский обер-лейтенант обратился к часовым и велел им сложить оружие и вызвать дежурного офицера. Ответом стал дружный залп двух винтовок; по счастливой для него случайности немец отделался пробитой фуражкой. Под аккомпанемент частой стрельбы, открытой солдатами Вермахта, оба часовых заскочили в караульное помещение, крича: «Немцы уже здесь!» (Němci jsou tady!). Личный состав караула, в свою очередь, занял позиции в окопах, оборудованных по обе стороны от ворот казармы, и открыл ответный огонь.

С началом перестрелки дежурный офицер поручик Мартинек объявил в гарнизоне боевую тревогу. Чешские солдаты поспешно разбирали оружие и боекомплект. Капитан Карел Павлик поднял свою роту и распорядился развернуть имевшиеся в ее распоряжении пулеметы (в основном - ручные «Ческа Зброевка» vz.26) на импровизированных огневых позициях в верхних этажах казарм. Стрелки с винтовками, в том числе и добровольно присоединившиеся к роте Павлика солдаты из других рот, расположились у оконных проемов. Командование участками обороны капитан поручил старшим унтер-офицерам (četaři) своей роты Штефеку и Голе. Электрическое освещение в казармах было вырублено, чтобы чешские военнослужащие не стали легкой мишенью для немцев на фоне светящихся окон. Первая попытка германских солдат прорваться к воротам Чаянковых казарм была легко отражена чехами с потерями для атакующих. Отступив, подразделения Вермахта начали занимать позиции под прикрытием окрестных строений. Завязалась интенсивная перестрелка с применением стрелкового оружия и пулеметов. По воспоминаниям очевидцев, местные жители, внезапно для себя оказавшиеся в эпицентре настоящего сражения, прятались в погребах или ложились в своих домах на пол. Не поддавался панике только владелец расположенной за углом пивной, который уже во время боя принялся обслуживать забежавших «промочить горло» оккупантов за рейхсмарки.

К месту неожиданного сопротивления вскоре прибыл сам командир 84-го пехотного полка полковник Штойвер. Поставив в известность командира дивизии генерала Кох-Эрпах (General der Kavallerie Rudolf Koch-Erpach) и получив приказ «решить проблему своими силами», полковник начал готовить новую атаку на Чаянковы казармы. Для поддержки наступающих пехотинцев по его приказу были развернуты 50-мм и 81-мм минометы участвовавших в бою пехотных подразделений, одно 37-

мм противотанковое орудие ПАК-35/37 из состава противотанковой роты полка, а также привлечена бронемашин (вероятно, одна из приданных полку разведывательных Sd.Kfz 221 или Sd.Kfz 222). На казармы был направлен свет фар германских армейских автомобилей, который должен был слепить глаза чешским стрелкам и пулеметчикам. Вторая атака была уже вполне основательно, хоть и поспешно, подготовленным штурмом.

В то же время внутри Чаянковых казарм также шла активная деятельность самого различного рода. Капитан Павлик собственноручно помогал своим пулеметчикам корректировать прицел и следил за распределением боеприпасов, которых оказалось досадно мало (накануне в гарнизоне были проведены большие стрельбы). «Ничего не бойтесь, ребята! Мы устоим!» (To nič, hoši nebojte se! Ty zmlžete!), - подбадривал он молодых солдат. В то же время Павлик попытался вывести для контратаки танкетки и бронемашин «броневой полуроты»; ее командир подпоручик Хейниш отдал приказ экипажам занять боевые места, однако выдвигаться без приказа начальника гарнизона отказался. Очевидно, что, окажись осаждавшие Чаянковы казармы пехотные подразделения Вермахта под ударом чешских боевых машин, они попали бы в тяжелое положение, но команда: «В бой!» «броневой полуроте» так и не поступила. Начальник гарнизона подполковник Штепина вместе с большинством наличных офицеров самоустранился от участия в бою. Собравшись в помещении штаба, они лихорадочно пытались установить телефонную связь с командиром полка полковником Элиашем (кстати, родственником генерала Алоиза Элиаша, первого главы правительства созданного оккупантами «Протектората Богемия и Моравия») и получить от него руководство к дальнейшим действиям.

После короткой огневой подготовки немецкая пехота при поддержке бронемашин вновь бросилась на штурм Чаянковых казарм. Бойцы караула, державшие передовые позиции, двое из которых получили ранения, были вынуждены оставить окопы и укрыться в здании. Солдаты Вермахта под огнем достигли ограды и залегли за ней. Однако на этом их успехи закончились. Минометный и пулеметный огонь немцев и даже 37-мм снаряды их противотанкового орудия не могли причинить мощным стенам казарм существенные повреждения, а их защитникам – серьезные потери. В то же время чешские пулеметы вели плотный заградительный огонь, а стрелки меткими выстрелами одну за другой гасили автомобильные фары. Германский автомобиль, пытавшийся прорваться в ворота, был вынужден повернуть назад после того, как его командир (фельдфебель) был убит в башне, почти не защищенной сверху. Метая гранаты из окон, чешские солдаты заставили отступить укрывавшуюся за оградой пехоту противника, в то время, как брошенные гитлеровцами вслепую гранаты в большинстве бесполезно рвались на плацу. Вторая атака была отражена чешскими бойцами капитана Карела Павлика так же, как и первая. Бой к этому времени продолжался более 40 минут. Боеприпасы у чехов подходили к концу, а полковник Штойвер стягивал к казармам все имевшиеся силы, так что исход борьбы оставался неясен...

Однако решающим в судьбе боя за Чаянковы казармы оказался не очередной немецкий штурм, а приказ из штаба чешского 8-го пехотного полка. Полковник Элиаш распорядился незамедлительно прекратить огонь, вступить в переговоры с немцами и сложить оружие, в случае неподчинения угрожая «ослушникам» военным судом. Начальник гарнизона подполковник Штепина довел этот приказ продолжавшим бой капитану Павлику и его подчиненным. По свидетельству очевидцев, капитан Павлик в первую минуту отказался подчиняться, но потом, видя, как мало осталось боеприпасов, сам скомандовал своим бойцам: «Прекратить огонь!» (Zastavte palbu!). Когда выстрелы смолкли, подполковник Штепина отправил поручика Мартинека с белым флагом для обсуждения условий капитуляции. Встретившись перед изъезженным пулями фасадом казарм с немецким полковником Штойвером, чешский офицер получил от него гарантии безопасности для военнослужащих гарнизона. После этого чешские солдаты начали выходить из зданий, складывать винтовки и строиться на плацу. Немецкие пехотинцы окружили побежденных и направили на них оружие, однако держались с ними подчеркнуто корректно. Чешских офицеров адъютант 84-го полка Вермахта проводил в «почетный плен» - все в тот же пивной зал за углом. После этого в Чаянковы

казармы наконец вошли немцы. Обыскав помещения, они забрали все найденное оружие и боеприпасы. К гаражу, в котором находилась чешская бронетехника, был первоначально поставлен сильный германский караул, а через несколько дней она была увезена оккупантами. После четырех часов «интернирования» чешским солдатам было разрешено вернуться в казармы, а офицеры были помещены под домашний арест у себя в квартирах. Раненым обеих сторон оказали помощь немецкие и чешские военные медики, после чего они были помещены в гражданскую больницу города Мистек: полевых госпиталей Вермахт развернуть еще не успел.

С чешской стороны в бою за Чаянковы казармы было ранено шестеро солдат, в том числе двое – тяжело. Местное население, к счастью, не пострадало, если не считать материального ущерба. Германские потери составили, по различным данным, от 12 до 24 убитых и раненых, что является неплохим показателем для эффективности сопротивления защитников казарм. Остается только гадать, в каких цифрах выражался бы урон гитлеровских войск, если бы примеру капитана Павлика и его отважных пулеметчиков и стрелков последовали бы хотя бы несколько чешских воинских частей. Сам Карел Павлик впоследствии говорил, что, в одиночку вступая в бой, он надеялся, что Чаянковские казармы станут детонатором, который вызовет сопротивление по всей стране, идвигающиеся в походном порядке колонны Вермахта окажутся под ударом чешских войск. Однако характерные для чешских военнослужащих дисциплина и исполнительность сыграли в марте 1939 г. столь печальную роль в истории их страны...

Правительство погибающей Чехословацкой республики поспешило возложить ответственность за «прискорбный инцидент» в городе Мистек на командовавших гарнизоном офицеров, однако ни один из них так и не был привлечен за эти события ни к чешскому, ни к немецкому военному суду. Во время последовавшей демобилизации Чехословацкой армии (Протекторату Богемия и Моравия) было позволено иметь только чуть более 7 тыс. военнослужащих – так называемая «Vladna vojska») все участники обороны Чаянковых казарм были уволены со службы, причем «волчий билет» у чешских коллаборационистских властей получили даже офицеры и солдаты, не принимавшие участия в бою. Однако у тех, кто за краткие минуты боя вечером 14 марта 1939 г. ощутил вкус борьбы, сопротивление оккупантам, похоже, уже поселилось в крови. Более ста бывших защитников старых казарм в Мистеке приняли участие в движении Сопротивления или, сумев вырваться с покоренной врагом родины, служили в чехословацких воинских частях, сражавшихся на стороне Союзников. Многие из них погибли или пропали без вести.

Наиболее драматично сложилась судьба командира отчаянной обороны, капитана Карела Павлика, которого смело можно назвать одной из самых ярких фигур чешского антинацистского сопротивления. С первых месяцев оккупации он активно включился в работу подпольной организации «За родину» (Za Vlast), действовавшей в Остраве и занимавшейся переброской чешских кадровых военных (в основном – летчиков) на Запад. Однако сам капитан не желал оставлять свою страну. Перейдя на нелегальное положение, он переехал в Прагу, где вступил в военную организацию «Защита нации» (Obrana národa), ставившую своей целью подготовку вооруженного восстания против оккупантов. Некоторые чешские авторы полагают, что капитан Павлик участвовал в организации убийства чешскими офицерами-диверсантами 4 июня 1942 г. заместителя имперского протектора Богемии и Моравии обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха, однако этот факт остается под вопросом. Карел Павлик поддерживал контакт также с нелегальной молодежно-патриотической «сокольской» организацией JINDRA.

Когда в 1942 г. гитлеровская тайная полиция (Geheime Staatspolizei, «гестапо») схватила и принудила к сотрудничеству одного из руководителей JINDRA профессора Ладислава Ванека, он выдал Карела Павлика оккупантам. Заманенный провокатором на встречу и окруженный гестаповцами, отчаянный капитан оказал яростное сопротивление. Павлику удалось вырваться из ловушки, но гитлеровцы пустили по его следу служебных собак и настигли его. В разгар перестрелки у капитана заклинило затвор пистолета, и он отбивался от агентов «гестапо» врукопашную. Схваченного Карела Павлика нацисты после допросов и жестоких пыток отправили в печально знаменитый концентрационный

лагерь Маутхаузен. Там 26 января 1943 г. больной и изможденный чешский герой был застрелен охранником-эсэсовцем за отказ подчиниться. Он остался верен себе до конца – не сдался. После войны правительство восстановленной Чехословакии посмертно произвело Карела Павлика в чин майора (уже после падения коммунистического режима в Чехословакии ему присвоено звание полковника «*in memoriam*»). Для участников обороны Чаянковых казарм в 1947 г. была отчеканена памятная медаль, на которой вместе с датой основания 8-го Силезского пехотного полка Чехословацкой армии (1918) и годом эмиссии (1947) стоит дата «1939» - год, когда они в одиночку пытались спасти честь чешского солдата.

Михаил Кожемякин